

УДК 811.512.111
ББК 81.635.1

Научная статья

КАТЕГОРИЯ ИНФИНИТИВА В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

Э. Е. Лебедев

Чувашский государственный институт гуманитарных наук,
г. Чебоксары, Россия
edlebed@gmail.com

Аннотация. В статье исследуется глагольная словоизменительная категория инфинитива, которую составляют две формы: *-ma/-me* и *-mashkǎn/-meshkĕn*. Подробно изучается терминологический аппарат, применяемый к формам, передающим подобные значения в тюркских языках, среди которых имеются такие как «имя действия», «супин», «масдар», «субстантивная форма глагола», «неопределенная форма глагола», «отглагольное существительное» и др. В итоге делается вывод, что наиболее правильным термином в отношении указанных чувашских форм является «инфинитив». Это обосновывается тем, что в чувашском языке они не могут присоединять падежные аффиксы и обладают определенным числом глагольных признаков — способность сочетаться с аффиксами залогов, способов действий и др. В ходе исследования выявлены следующие значения форм инфинитива: цели, объекта в широком понимании этого понятия, невозможности действия в сочетании с отрицательной частицей *сук*, противопоставление и особое значение «что касается». Отмечается, что форма инфинитива с показателем *-ma/-me* может являться компонентом аналитических форм со значениями попытки и возможности совершения действия, которые образуются при помощи вспомогательных глаголов *пăх* и *пул*. Также рассмотрены некоторые семантические факторы, позволяющие инфинитивам вступать в синтаксические отношения с другими словами.

Ключевые слова: инфинитив, категория глагола, аналитическая форма, вспомогательный глагол, супин, имя действия

Для цитирования: Лебедев Э. Е. Категория инфинитива в чувашском языке // Современная гуманитаристика. 2026. Т. 2. № 1. С. 50 — 67

© Лебедев Э. Е., 2026

Scientific article

THE INFINITIVE IN THE CHUVASH LANGUAGE

E. E. Lebedev

Chuvash State Institute of Humanities,
Cheboksary, Russia
edlebed@gmail.com

Abstract. This article examines the verb inflectional category of the infinitive having two forms: *-ma/-me* (*-ma/-me*) and *-mashkǎn/-meshkĕn* (*-mashkǎn/-meshkĕn*). The terminology used for forms expressing similar meanings in Turkic languages, such as “action noun”, “supin”, “masdar” (verbal noun), “substantive form of a verb”, “infinitive form of a verb”, “verbal noun” and others have been thoroughly examined. As a result of this study, it is concluded that the most appropriate term for these Chuvash forms is “infinitive”. This is because in the Chuvash language, they cannot attach case affixes and possess a certain number of verbal features such as the ability to combine with affixes of voice, and other verbal categories. The following forms express the meanings of purpose, the object in the broad sense of the term, impossibility of action in combination with the negative particle *chuk* (*сук*), opposition and the special meaning “as far as sth (sb) is concerned”. It is noted that the infinitive form with the *-ma/-me* (*-ma/-me*) marker can be a component of analytical forms with the meanings of attempt and possibility of performing an action which are formed using the auxiliary verbs

păkh (пăх) and *pul* (пул). Some semantic factors that allow infinitives to enter into syntactic relations with other words have also been analyzed.

Keywords: the infinitive, verb category, analytical form, auxiliary verb, supin, action noun

For citation: Lebedev E. E. The infinitive in the Chuvash language // Modern Humanities. 2026;2(1):50 — 67

Аслăлăх статийи

ЧĂВАШ ЧĔЛХИНЧЕ ИНФИНИТИВ КАТЕГОРИЙĔ

Э. Е. Лебедев

Чăваш патшалăх гуманитари аслăлăхĕсен институтĕ,

Шупашкар хули, Раççей

edlebed@gmail.com

Аннотаци. Статъяра *-ма/-ме* тата *-машкăн/-мешкĕн* аффикспа пулакан инфинитив категориене тĕпченĕ. Автор ытти тĕрĕк чĕлхисенчи çакăн йышши пулăма палăртма усă куракан терминологие (ĕç ячĕ, супин, масдар, глаголăн субстантивлă форми, глаголăн паллă мар форми, глаголтан пулнă япала ячĕ т. ыт. те) тĕплĕн тишкерет те çапла пĕтĕм-летÿ тăвать: чăваш чĕлхишĕн чи маларах асăннă категори палăртма «инфинитив» термин вырăнлăрах. Тĕпчевçĕ çакна чăваш чĕлхинче ку форма падеж аффиксне йышăнминнипе тата ку категори глаголăн уйрăм паллисем пуррипе палăрнипе (залог аффиксне, ĕç мелне кăтартакан тата ытти хăш-пĕр аффикс хушма пултарни) сăлтавлать. Автор инфинитивăн çакăн пек пĕлтерĕшĕсем пурри çинчен сырат: тĕллев, объект (ку терминăн анлă пĕлтерĕшне илсен), ĕсе тума май пулманнини (çук хирĕçлев татакĕпе чухне), хирĕçлени, вырăсла «что касается» тенипе тÿр килекен уйрăм пĕлтерĕш. *-Ма/-ме* аффикслă инфинитив *пăх* тата *пул* пулăшу глаголĕпе пĕрле аналитика форми тăвать. Вĕсен пĕлтерĕшĕ — ĕсе туса пăхни тата ĕç тума май пурри. Тĕпчевре çавăн пекех инфинитива ытти сăмахпа синтаксис сыхăнăвне кĕме май паракан семантика факторĕсенчен хăшне-пĕрне пăхса тухнă.

Тĕп сăмахсем: инфинитив, глагол категорийĕ, аналитика форми, пулăшу глаголĕ, супин, ĕç ячĕ

Цитатăлама: Лебедев Э. Е. Чăваш чĕлхинче инфинитив категорийĕ // Хальхи гуманитаристика. 2026. 2 т. 1 №. С. 50 — 67

Введение

Изучением форм, традиционно называемых в тюркских языках «инфинитивами» и «именами действия», в чувашском языкознании занимался целый ряд ученых-грамматистов, но до сих пор отсутствует какое-либо теоретическое обоснование их функционально-семантической сущности. Целью настоящей статьи является попытка осмысления места этих форм в общей грамматической системе чувашского языка и их классификации с точки зрения передаваемых значений.

В грамматиках тюркских языков подобные формы описаны в соответствующих разделах. Так, в «Татарской грамматике» рассматриваются инфинитивы *-ырга/-ергэ*, *-мак/-мăк* (названный «отжившей формой») и имена действия, к которым относятся формы на *-у/-ү* и *-ш*, *-ыш/-еш* (первичные) и формы, образованные от причастия на *-ган/-гэн* (вторичные) [5, с. 230 — 235]. В якутском языке имеются формы причастий, «сопоставимые» с формами инфинитива, то есть способные выступать в этой роли. К ним относятся: форма на *-арга* (*-эргэ*, *-орго*, *-өргө*) (в положительном статусе) и *-бакка* (*-бэккэ*, *-бокко*, *-бөккө*) (в отрицательном статусе); форма на *-яхха* (*-иэххэ*, *-уохха*, *-үөххэ*) (в положительном статусе) и *-ымыяхха* (*-имиэххэ*, *-умуохха*, *-үмүөххэ*) (в отрицательном статусе); и форма на *-дахха* (*-лахха*, *-нахха*, *-тахха*) (в положительном статусе) и *-батахха* (*-бэтэххэ*, *-ботоххо*, *-бөтөххө*) (в отрицательном статусе) [10, с. 226 — 227]. В отношении

инфинитива в узбекском языке А. Н. Кононов пишет следующее: «В словарях узбекского языка (и некоторых других тюркских языков, например, азербайджанского, туркменского, турецкого) в качестве инфинитива принята форма с аффикса *-моқ*, которая по существу является именем действия» [9, с. 187].

Наиболее подробное и теоретически обоснованное на настоящий момент исследование тюркских глагольных категорий с точки зрения функционально-семантического подхода представлено в работе В. Г. Гузева «Теоретическая грамматика турецкого языка». В ней автор предлагает свое видение вопросов, касающихся форм со значениями имен действий. Конечно, между турецким языком, материалом которого дается в указанной монографии, и чувашским языком имеются определенные различия в области глагольной морфологии. Но в целом особенности функционирования и тенденции развития грамматических форм турецкого языка, на наш взгляд, имеют много общего. В связи с чем мы вполне можем обратиться к этому исследованию, для того чтобы оценить возможность применения тех или иных теоретических взглядов ученого к материалу чувашского языка.

Прежде всего отметим, что ряд форм турецкого языка (всего семь) с общим значением «действия, представляемого как предмет и лишенных каких-либо темпоральных значений» объединены автором в одну категорию имен действий. При этом в скобках даются и другие их названия, используемые в работах по тюркскому языкознанию — «масдары» и «субстантивные формы глагола» [6, с. 154]. Подобный подход к трактовке этих форм и объединение их в рамках одной категории вполне оправдывают себя, так как основным их значением действительно является представление действия в качестве предмета. В. Г. Гузев не согласен с тем, что формы наподобие турецких *-ma/-me* и *-mak/-mek* часто в работах по грамматике тюркских языков трактуются как инфинитивы. Основным его доводом является то, что в турецком языке они могут принимать аффиксы падежа. Включение же этих форм в словари в качестве основной словарной формы глагола, по его мнению, также не может быть основанием для того, чтобы называть их инфинитивами, так как подобное их применение весьма условно [6, с. 154] (чувашские лексикографы, например, в роли словарной используют форму повелительного наклонения второго лица единственного числа глаголов). Положения ученого об объединении всех форм с однородными значениями в одну словоизменительную категорию можно учитывать и при исследовании материала чувашского языка, конечно, с учетом специфики его грамматической структуры.

Материалы и методы

Исследование выполнено с применением функционально-семантического метода. В нем подробно изучены основные значения форм инфинитива на *-ma/-me* и *-машкăн/-мешкĕн*, рассмотрена семантика глаголов, которые сочетаются с указанными формами, а также возможное участие инфинитива в образовании аналитических форм. В качестве иллюстративного материала использованы примеры из художественной литературы на чувашском языке. Представленные примеры точно отражают языковые факты, в основной своей части они получены из Национального корпуса чувашского языка.

Результаты исследования и их обсуждение

Подробное изучение форм со значениями имен действий в чувашском языке начинается еще в трудах патриарха чувашского языкознания Н. И. Ашмарина — «Материалы для исследования чувашского языка» и «Опыт исследования чувашского синтаксиса. Часть 2». По отношению к ним ученый использует термин «супин»

[2, с. 312 — 313; 3, с. 128 — 142]. В работе 1898 г. дается описание форм с показателями *-ма/-ме*, *-машкӑн/-мешкӑн* и *-ашишӑн/-ешишӑн* и утверждается следующее: форма на *-ма/-ме* в чувашском языке не склоняется по падежам, форма на *-машкӑн/-мешкӑн* произошла путем метатезы согласных *-ш* и *-к* в сочетании таких аффиксов как *-мак/-мек* (в терминологии Н. И. Ашмарина неопределенное наклонение) и *-шӑн/-шӑн* (ученый отмечает его как послелог со значением «ради»), форма на *-ашишӑн/-ешишӑн* тоже является составной и образовалась путем соединения аффикса причастия будущего времени с показателем *-ас/-ес* и упомянутого послелога со значением «ради» [2, с. 312]. Что касается последней формы, то она чувашскими лингвистами обычно не отмечается в качестве имени действия, инфинитива или супина. Мы же считаем, что эту составную форму, передающую модальное значение желания совершения действия, необходимо отнести к категории наклонения.

В другой своей работе Н. И. Ашмарин дает более подробное описание этих форм с указанием их основных значений. В частности, у формы на *-ма/-ме* он обнаруживает такие значения, как: цель, назначение или следствие (*мӑн тума килтӑн?* «зачем ты пришел?»), отглагольное имя действия (*пура́нма йывӑр* «жить тяжело»), дополнение при некоторых глагольных и многих именных сказуемых (*кунтан сӑрме сывӑх* «отсюда ходить близко»), способность, удобство, пригодность и т. д. (*кашкӑр сурӑх тытма йста* «волк — мастер ловить овец»), невозможность с частицей *сук* (*ништа та кайма сук* «никуда нельзя уйти») и др. [3, с. 128 — 140]. Также подробно ученым рассмотрены значения, передаваемые формами с показателями *-машкӑн/-мешкӑн* и *-ашишӑн/-ешишӑн*. В отношении первой он сообщает, что она заменяет форму на *-ма/-ме* в некоторых случаях, но «как более пространная глагольная форма, сообщает речи несколько большую выразительность или резкость, а иногда и ясность». Что касается же формы на *-ашишӑн/-ешишӑн*, то здесь Н. И. Ашмариным выделяются значения цели, стремления или желания [3, с. 140 — 143]. В целом можно отметить, что данное исследование ученого является достаточно подробным и обстоятельным и требует отдельного анализа с точки зрения теории современного языкознания.

В коллективной монографии «Материалы по грамматике современного чувашского языка» имеется параграф под названием «Инфинитивы и супины», который относится к разделу «Неспрягаемые формы глагола», подготовленному В. Г. Егоровым. Инфинитивом автор называет форму с показателем *-ма/-ме*. По его мнению, это «усеченная форма» от тюркского аффикса *-мак/-мек*, конечный согласный звук которой выпал. Далее ученый заочно полемизирует с Н. И. Ашмариным, утверждая, что термин «супин» нельзя употреблять по отношению к форме на *-ма/-ме*, так как значение цели является только одним из целого ряда значений, передаваемых этой формой. Наиболее подходящими В. Г. Егоров считает здесь термин «инфинитив» и «неопределенная форма». А вот супином ученый называет форму с показателем *-машкӑн/-мешкӑн* (правда, в заключительном абзаце этого параграфа им все же предлагается и ее считать инфинитивом). Он пишет, что обе указанные формы со временем почти совпали по своему значению и употреблению. Но между ними еще сохраняются некоторые стилистические различия — «супин на *-машкӑн/-мешкӑн* придает речи большую выразительность и конкретность, а инфинитив на *-ма/-ме* — известную степень отвлеченности» [7, с. 212 — 214]. В качестве имени действия ученый признает формы, образованные аффиксом *-и*, который присоединяется к формам причастий с показателями *-ӑн/-ӑн* и *-ас/-ес* [7, с. 235 — 239]. Действительно, с присоеди-

нением этого аффикса происходит процесс субстантивации, и образованная форма получает способность присоединять аффиксы падежей: *килнӗ + и = килни* → *килинне, килнинче, килнинчен*; *каяс + и = каясси* → *каяссине, каяссинче, каяссинчен*. Но так как эта форма является производной, мы не включаем ее в наше исследование.

Отдельный параграф этого раздела посвящен такому явлению, как субстантивация инфинитива. В. Г. Егоров указывает, что форма на *-ма/-ме* послужила исходной основой для образования некоторых имен существительных со значениями «продукта, результата действия, назначения или орудия действия» [7, с. 214]. Ученый отмечает, что не все существительные, образованные таким способом, имеют полную парадигму склонения. Некоторые из них могут присоединять только аффиксы со значением местного, исходного и реже — дательно-винительного падежа: *выртмара* «в ночном», *вырмара* «на жатве» и др. [7, с. 215]. Наконец, от инфинитива с показателем *-ма/-ме* образованы и некоторые прилагательные: *утма сул* «пешеходная дорога», *сӗрме купӑс* «скрипка», *шартлама сивӗ* «трескучий мороз» и др. [7, с. 215].

В работе И. П. Павлова «Хальхи чӑваш литературӑ чӗлхи. Морфологи» по отношению к формам с показателями *-ма/-ме* и *-машкӑн/-мешкӗн* также используется термин «инфинитив». Ученый дает определение этому термину и объясняет разницу между именами действия и инфинитивами. По его мнению, основным их отличием является то, что имена действия подобно именам существительным более выраженно обладают семантикой субстантивности, а инфинитивы, как и глаголы, передают значение процесса, развития действия [13, с. 261]. Аффикс *-машкӑн/-мешкӗн*, как считает автор, изначально имел значение супина, то есть передавал значение цели. Но впоследствии его семантика расширилась, и в настоящее время он, как и форма на *-ма/-ме*, является типичным инфинитивом. И. П. Павлов задается интересным вопросом: «Почему в настоящее время формы инфинитива не могут присоединять аффикс причинно-целевого падежа, а также аффиксы и других падежей, если они могли это делать раньше?» Он полемизирует с В. Г. Егоровым, утверждая что не имена с показателем *-ма/-ме* (*сырма* «овраг», *пусма* «лестница», *чикме* «ограда» и др.) произошли от инфинитива путем субстантивации, а наоборот, эти слова более древние и существовали еще до того, как эта форма стала инфинитивом. У современных инфинитивов возникло несколько признаков, сближающих их с глаголом — они могут сочетаться с аффиксами залогов и формы многократности (*сыртарма* «заставлять писать», *сыркалама* «писать часто») и управлять падежом имени существительного, с которым образуют словосочетание (*мириӗн кӗрешме* «бороться за мир», *урамта пыма* «идти по улице») [13, с. 261 — 262]. И. П. Павлов указывает, что различия в значениях между формами на *-ма/-ме* и на *-машкӑн/-мешкӗн* найти трудно. Глаголы же, которые образуют с инфинитивами словосочетания, можно разбить на несколько групп: 1) глаголы, обозначающие начало или завершение действия; 2) глаголы с модальными значениями; 3) глаголы движения и 4) глаголы со значениями повеления. С глаголами каждой из этих групп рассматриваемые формы передают разные значения — цели, объекта и др. Автором рассмотрены также случаи сочетания инфинитивов со словами, относящимися к другим, прежде всего, именным частям речи и частицам: *кирлӗ* «нужно», *тивӗс* «достойный», *хӑрушӑ* «страшно, опасно», *мар, сук* «не» и др. [13, с. 263 — 264].

В 2017 г., уже после ухода ученого из жизни, увидела свет монография «Современный чувашский язык. Том 2. Морфология». В ней И. П. Павлов предлагает

несколько иной взгляд на проблемы морфологии чувашского глагола. Параграф, посвященный указанным выше формам, называется «Неопределенные формы глагола». Его предваряют теоретические рассуждения автора, касающиеся самого термина «неопределенная форма глагола» (который он считает вполне оправданным), места инфинитивов в ряду других неличных форм, происхождению и развитию современных форм на *-ма/-ме* и *-машкӑн/-мешкӑн* [12, с. 194 — 196]. Ученый отмечает, что эти формы «нельзя трактовать... ни в качестве двух самостоятельных морфем, ни в качестве алломорфов» [12, с. 197]. По его мнению, с точки зрения значения они тождественны, и «справедливо было бы называть их вариантами инфинитивного аффикса» [12, с. 197]. В связи с отсутствием противопоставленных по значению форм И. П. Павлов отрицает наличие в чувашском языке отдельной грамматической категории инфинитива. Также ученый выделяет несколько модальных значений, которые могут передавать конструкции с инфинитивами. К ним относятся: 1) возможность совершения действия; 2) отстранение от действия; 3) устремление к действию; 4) вынужденная необходимость; 5) желание; 6) цель и др. Глагольные же конструкции с инфинитивами могут выражать начало или окончание действия: *выляма пусланӑ* «начал играть», *чӗлӗм туртма пӑрахнӑ* «бросил курить» [12, с. 199 — 200].

В. И. Сергеев в своей работе о морфологии чувашского языка пишет о наличии в нем «одночленной категории инфинитива» [14, с. 310], к которой относится форма, образуемая аффиксом *-ма/-ме*. По мнению автора, эта форма может присоединять к себе аффиксы уподобления *-ла/-ле*, *-лла/-лле*, лишительного падежа *-сӑр/-сӗр*, достаточности *-лӑх/-лӗх*, частотности *-серен* и аффикс со значением усиления *-(а)х/-(е)х* [соотв. *каймалла* «надо идти», *кайма сӑр* «не идя», *каймалӑх* «достаточный, чтобы идти», *каймассерен* «каждый раз как идет», *каймах* (лeket) «надо идти» и др.]. Также ученый рассуждает о том, что к данной форме в диахроническом плане присоединялся аффикс причинного падежа *-шӑн/-шӗн*, который вследствие метатезы в настоящее время уже не выделяется из словоформы *-машкӑн/-мешкӑн* [14, с. 322 — 323]. На наш взгляд, практически все перечисленные В. И. Сергеевым словоформы (разве что за исключением *-мах/-мех*) уже не могут считаться разложимыми, так как приобрели новое значение, которое не является простой суммой значений их компонентов. В данном случае налицо смешение диахронии с синхронией.

В монографии «Чӑваш чӗлхи» разделы, посвященные исследуемым нами формам, подготовлены Л. П. Сергеевым. К инфинитивам Л. П. Сергеев относит формы, образуемые аффиксами *-ма/-ме* и *-машкӑн/-мешкӑн*. Автор указывает, что с точки зрения значений эти формы не отличаются друг от друга. Форма *-машкӑн/-мешкӑн* более характерна для поэтической речи, а *-ма/-ме* — для прозаической. В зависимости от контекстуального окружения Л. П. Сергеевым определяются конкретные значения указанных форм, среди которых: цель совершения действия *цирк курма кай* «иди смотреть цирк», объект действия *выляма сӑмӑл* «играть легко», противопоставление другому действию (в сочетании с отрицательной частицей *мар* «не») *йӑпанма кӑна мар*, *пурнӑс хӗлхемне чӗртсе пыма та пулаймаш* (С. Шавли) «помогает не только утешиться, но и разжигать искру жизни», невозможность совершения действия (в сочетании с отрицательной частицей *сук*) *тупма сук* «не найдешь» и др. Далее ученый утверждает, что инфинитив на *-ма/-ме* может образовывать форму частотности (при помощи аффикса *-серен*) и форму достаточности (при помощи аффикса *-лӑх/-лӗх*): *каймассерен* «каждый

раз как идет», *асйнамалӑх* «то, что нужно на память» [15, с. 375 — 378]. С последним утверждением мы не согласны, так как считаем образовавшиеся формы уже обособившимися от диахронически исходной словоформы с показателем *-ма/-ме*, и имеющими свои собственные значения.

Переходя к рассмотрению функционирования форм на *-ма/-ме* и *-машкӑн/-мешкӑн* в чувашском языке, необходимо определиться с их правильным наименованием. Среди перечисленных выше обозначений подобных форм в других тюркских (и нетюркских) языках представлены такие как: инфинитив, неопределенная форма глагола, отглагольное существительное, имя действия, масдар, субстантивная форма глагола, супин, нефинитная форма глагола и вербоид. Из всего ряда перечисленных терминов в силу своей компактности и понятности наиболее подходящими, на наш взгляд, являются инфинитив и имя действия. Эти два термина, как мы могли видеть выше, не являются полными синонимами. Понятие «инфинитив» в большей степени предполагает наличие у соответствующей формы глагольных признаков, а термин «имя действия» — признаков имени. По мнению Н. А. Козинцевой, автора соответствующей статьи в «Лингвистическом энциклопедическом словаре», под инфинитивом понимается «нефинитная форма глагола (вербоид), существующая во флективных и агглютинативных языках... и используемая для оформления сказуемого, а также слов с предикатным значением в позициях именных членов предложения» [8, с. 198]. Ученый утверждает, что признаком, отличающим инфинитивы от финитных форм, является отсутствие выражения категориальных значений глагола, таких как «абсолютное время, наклонение и, как правило, лицо и число» [8, с. 198]. В индоевропейских языках, по мнению того же автора, инфинитивы могут иметь грамматические формы вида, залога и в некоторых случаях лицо и число. В отношении же алтайских языков, к которым относятся и языки тюркской группы, Н. А. Козинцева указывает, что инфинитив здесь по сути является именем действия, которое (в отдельных случаях) сохраняет некоторые глагольные категории и приобретает некоторые грамматические признаки имен, например, падеж, формы принадлежности и др. [8, с. 198].

В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой дается описание термина «имя действия», который автором приравнивается к термину «отглагольное существительное» [1, с. 175, 465]. В соответствии с ее определением, отглагольное существительное (имя действия) — это «существительное, образованное от глагольной основы и обозначающее действие (состояние, процесс) как “определенное”, “субстантивированное”, т. е. представляющее его в наиболее общем и отвлеченном смысле» [1, с. 465].

Таким образом, Н. А. Козинцева, определяя инфинитив в алтайских языках, как указано выше, отмечает его тождество с именем действия. Об этом же пишут и А. Н. Кононов с В. Г. Гузевым в отношении материала узбекского (Кононов) [9, с. 187] и турецкого (Гузев) [6, с. 154] языков. Основным доводом этих авторов является способность соответствующих форм присоединять аффиксы именных грамматических категорий (падеж, принадлежность и др.). Что же касается чувашского языка, то формы на *-ма/-ме* и *-машкӑн/-мешкӑн* не могут присоединять к себе аффиксы именного словоизменения, конечно, за исключением случаев полной субстантивации формы с аффиксом *-ма/-ме* (*сырма* «в овраге», *хӗмене* «ограду»). Но подобные случаи мы оставляем вне рамок нашего исследования, так как они представляют собой явления словообразовательного уровня. Зато эти

формы могут принимать аффиксы глагольных категорий, в частности, залогов и многократности совершения действия: *култарма* «смешить», *пӑхкалама* «подглядывать». Следовательно, наиболее подходящим термином для чувашских форм с соответствующими значениями стоит признать термин «инфинитив»¹. Что же касается понятия «супин», которое использовал в своей работе Н. И. Ашмарин и которое в современном языкознании трактуется как «отглагольное существительное, придающее обороту, в котором оно употреблено, значение цели» [4, с. 499], то здесь мы солидарны с мнением В. Г. Егорова [7, с. 212 — 214] и считаем, что значение цели является лишь одним из целого ряда значений, передаваемых указанными формами, поэтому называть их супином нет никакой необходимости.

В чувашском языке отмечена и форма, которая в весьма редких случаях может считаться именем действия. Это форма с показателем *-у/-ӹ*: *сапу* «удар», *килӹ* «приход» и др. По словам Л. П. Сергеева, она прежде всего встречается в литературных произведениях, в художественной речи [15, с. 400]. При этом ее необходимо уметь отличать от омонимичного словообразовательного аффикса, посредством которого образуются имена существительные от глаголов [11, с. 65 — 67]. В отличие от формы имени действия производные существительные, образованные подобным образом, могут присоединять все аффиксы падежа, числа и принадлежности. А имена действия на *-у/-ӹ* способны принимать лишь некоторые падежные аффиксы, и совсем не изменяются по числам и не имеют парадигмы принадлежности (*камӑнӑх*). К тому же в разговорной речи они встречаются только в отдельных местностях, например, у чувашей Башкортостана, но совершенно отсутствуют в верховом диалекте чувашского языка [15, с. 401]. В связи с ограниченной сферой использования имени действия на *-у/-ӹ* мы оставляем ее вне рамок нашего исследования.

Обе формы инфинитива — как с показателем *-ма/-ме*, так и с показателем *-машкӑн/-мешкӑн* — являются синонимичными и различаются только стилистически: форма на *-машкӑн/-мешкӑн* чаще встречается в художественной литературе, обозначая «книжный стиль». В связи с их фактической синонимией при описании значений мы не разделяем их на отдельные подпункты, а даем вместе. Эти формы способны передавать целый ряд значений, среди которых мы отмечаем следующие:

1. Значение цели. В этом значении указанные формы можно считать супинами. Но этот термин нельзя применять к ним в целом, так как это всего лишь одно из значений, которые ими передаются:

— *Ме сӗр тенкӗ! — укса тӑсрӗ ун енне хулигансенчен аслӑраххи. — Эсӗ те! Килне ситме валли* (Русаков) «Возьми сто рублей! — протянул ему деньги старший из хулиганов. — И ты! **Чтобы добраться** до дома». В этом примере в качестве дополнительного показателя передаваемого значения использован послелог *валли* «для», который здесь факультативен, так как значение цели уже присутствует в форме глагола *сит* «добраться».

Калаҫӑва пуҫарма та тӳрех кирлӗ сӑмах тупаймарӗ пулӑҫӑ (Краснов) «Не нашел рыбак сразу нужного слова, **чтобы начать** разговор».

¹ Если версия о происхождении формы на *-машкӑн/-мешкӑн* путем присоединения к гипотетическому аффиксу *-мак/-мек* аффикса причинно-целевого падежа *-ийн/-ийӑн* с последующей метатезой согласных *к* и *ш* верна, то это указывает на то, что в прошлом данная форма могла присоединять к себе аффиксы именных категорий (в данном случае падежа), что автоматически дает право причислять ее к именам действия, а не к инфинитивам. Но в современном языке эта способность отсутствует, и, следовательно, форма относится к категории инфинитивов.

— Пулайшатпяр. Сурт-йёр **савърма** кирпёч паратпяр. Цемент та, чус хьма та... (Ярандай) «— Поможем. Дадим кирпич, **чтобы построить** дом. А также цемент и тесовые доски...»

Саван пек инкеке **курма, тўсме** никам умёнче те сылаха кёмен эсё (Максимов) «Ты ни перед кем не грешен, чтобы **переносить и выдерживать** такую беду».

Приведем примеры с формой на -машкән/-мешкён со значением цели:

«Самед, пёлетён-и дельфинсене этем чёлхине вёрентекен **самрэк** ученый кам иккенне?» — терё въл мана хыйне юнашар **вырән** **сине лармашкән** пўрнипе кăчăк туртса чёнсе (Краснов) «“Самед, ты знаешь, кто такой этот молодой ученый, который обучает дельфинов человеческому языку?” — сказал он подозвав меня пальцем, приглашая сесть рядом» (досл.: **чтобы сесть** на место рядом с ним).

Таньан **самехёсем** пуринчен **асра** юлчёс: **сăлтăр** **сыннисене сăлмашкән** вай-хала шеллемелле мар (Сундал) «Все слова Тани остались в памяти: нельзя жалеть сил для спасения звездных людей (досл.: **чтобы спасти**)».

Экспедици задачи — геологсемпе астрономсене **йышаймашкән** станци хатёрлесси... (Педерки) «Задачей экспедиции является подготовка станции для приема (досл.: для того, **чтобы принимать**) геологов и астрономов...»

Чайлаха **усмашкән** санан юнупа мананне **ДНК** тишкерёвё **сес** ирттермелле (Елтов) «Для того, **чтобы открыть** правду, необходимо лишь провести тест ДНК твоей и моей крови».

В качестве связанного с инфинитивом слова могут выступать и именные части речи с частицами:

Килне таврăнсан та **лайланаймарё** въл. Васкамасър хыванчё те хваттерти япалисене тинкерчё. Пурте пур вёсене телейлё **пулма** (Эльмен) «Вернувшись домой, он также не мог успокоиться. Неспешно разделся и осмотрел вещи в квартире. Все есть у них для счастья (досл.: **чтобы быть** счастливыми)».

Унта **ситмешкён** таватъ **сұхрăм** та **сук** (Ильбек) «Дотуда и четырех верст не будет (досл.: **чтобы добраться** дотуда)».

Вёренме укса кирлё, уксине ёслесе илес пулатъ (М. Ухсай) «Для учебы (досл.: для того, **чтобы учиться**) нужны деньги, а деньги нужно заработать».

Часто в этом значении инфинитивы встречаются в сочетании с глаголами движения:

Натюк Матёрnene **чёнме** тухасийанччё, анчах алака **усма** тайн **сёре** Матёрне хай те килсе кёчё (М. Ухсай) «Надюк хотела выйти, **чтобы позвать** Матрёну, но когда она собралась открыть дверь, Матрёна сама зашла в избу».

Ялтан эрнелёхе пёр **сич-сакър** **сұхрăм** **сұл юсама** кайсан та, **виçе** кунлăх Вăрнара, **Сёмёрлене**, **Етёрнене** кантър **е тырă** **лесме** кайсан та **тайван** тавралăхшайн чун тунсăхласа **ситет** (Скворцов) «Когда отправляешься на неделю из деревни за семь-восемь верст (километров) **ремонттировать** дороги или на три дня, **чтобы отвезти** коноплю или зерно в Вурнары, Шумерлю, Ядрин, душа тоскует по родным местам».

Кирилл авланнă **чухне** «туй **сума**» та килмерёс вёсем (Андреев) «Когда Кирилл женился, они даже не пришли, **чтобы “обмыть”** свадьбу».

Ку вăрманна **пырса** кёме **фашистсем** пёрре те хаййман. Яла **саратма-сёмёрме** пырсан, пёрисем пўртсемпе кёлетсенче, нўхрепсенче ухтарса **сўренё**, **теприсем**, **сав** вăрман еннелле шултра калибрлă **пулеметсем** лартса, унтан партизансем **сиксе** тухасран **сыхласа** тайн (Агаков) «Заходить в этот лес фашисты не отважились ни разу. Когда приходили **грабить** деревню, часть из них ходила по домам,

рыская по амбарам и погребам, другие же устанавливали крупнокалиберные пулеметы, развернув их к лесу, и караулили оттуда партизан, чтобы они не выскочили (из леса)».

Кайран қасқи шайлаха тимлеме сўре пуслараймр (Мышкина) «Затем мы стали бродить, вслушиваясь (досл.: **чтобы вслушиваться**) в вечернюю тишину».

2. Значение объекта совершения действия. В этой группе мы объединили примеры, демонстрирующие передачу сочетанием инфинитива с финитной формой нескольких более частных значений (напр., желание, необходимость, готовность и др.). Поэтому термин «объект совершения действия» здесь, в общем, имеет условный характер. Формы инфинитива, передающие это значение, сочетаются с наибольшим количеством семантических групп глаголов, среди которых мы установили как минимум следующие:

а) глаголы, значение которых каким-то образом связано с состоянием субъекта действия. Здесь мы наблюдаем достаточно большой разброс их семантики:

Паян айна ниймэн те кансёрлеймерё сёр шинчен айш куллине парнелеме (Андреев) «Ничто ему (солнцу) сегодня с земли не мешало **дарить** его теплую улыбку».

Сурай пуххиччен эрне ытла пулин те — пётём ялёт ёнтёт яланхи некех сара тума хатёрленет (Скворцов) «Хоть до собрания села Сурам еще больше недели, все село уже как всегда готовится **делать (варить)** пиво».

Малтан хай вуня сул ытла пуранны сурта ситсе курма шуларё Владимир Петрович (Ишимбай) «Владимир Петрович решил дойти и **посмотреть** дом, в котором он жил более десяти лет».

— *Тоня, килте ларса каласайнар, лайлан, — хайне алла илме тайршиса каларё арсын чётрекен сассине* (Тарават) «— Тоня, поговорим спокойно дома, — сказал дрожащим голосом мужчина, пытаясь **взять** себя в руки».

— *Ут хатёрёсене урапа шинчех хавар. Апатланайнар та Маниш аппуна леще хурайнар. Тёттёмле пёччен сўреме хайрамалла...* (Гордеев) «— Конскую утварь клади сразу на телегу. Пообедаем и отвезем твою сестру Манису. В темноте страшно **ехать** одному...»

Канашилащёт, сўтсе яващёт, халиччен туман сётёт япаласене тума йыйшанащёт (Трубина) «Советуются, обсуждают, принимают решения о том, чтобы **сделать** новые вещи, которые никогда до этого не делали».

Ёш хакне кайит тырайпа, арна-улаймпа саплаштарса хайтланащёт. Укша илсе курни сук. Юрат, газпа суйтайан тўлеме хётё пулайшай (Савельев-Сас) «Стоимость работы частично стараются восполнить зерном, мякиной и соломой. Денег не получают. Хорошо, хоть дочь помогает **платить** за газ и свет».

Тўпере пёр вётёмсёр тайри юрри илтётет. Епле чыханса каймасть ирёке, ушай сывлайша, хёвеле юратакан пётётёрти пётёк кайай, епле ывайнасть вай сак илеме мухтамайшай! (Афанасьев) «В небе слышна бесконечная трель жаворонка. Как же не захлебнется эта маленькая юркая птичка, так любящая свободу, свежий воздух и солнце! Как не устанет **прославлять** эту красоту!»

б) глаголы, передающие значения повеления, приказа или побуждения к совершению действия, а также другие глаголы с подобной семантикой:

Унта та кунта сурайхсем макайни, ёнесем кахаллан ёнётрени уйраймах темёлле чётрене сывайх, ырай туйай суратат, пурнай юхаймне малалла тайсма хистет (Осипова) «Блеяние овец, ленивое мычание коров, раздающиеся повсюду, рожают в сердце какое-то особенно близкое, теплое чувство и велют **продолжать** течение жизни».

Хёра́йм чирёпе операци тунă хысăн йывăр **ййтма** хушманччĕ-ха а́на врачсем, анчах Миша хваттере яланах тирнейлĕ **тытма** хушать: кирек хăш вăхăтра та вăл хайне кирлĕ сынсене илсе килсе **хăналама** пултарать (Эльмен) «После перенесенной операции по женской болезни врачи запретили ей **поднимать** тяжелые вещи, но Миша велит всегда **держать** квартиру в чистоте, ведь в любое время он может **привести** в гости нужных ему людей (досл.: **привозить** и **принимать** в гостях)».

— Пирĕн асатте питĕ ёсчен сын пулнă, аттене пĕчĕкlex хай сұмёнче тытма тăрайнă, каччă шутне кĕрсен хай тельняшкине тăхăнтарнă та матрос пурнасĕнчи йăласемпе паллаштарнă, шывра лайăх **ишме**, мунча кĕнĕ чухне юр сине туха-туха **выртма**, икĕ пăт пуканне савăрттарса **вылятма** хăнăхтарнă (Кибеч) «Наш дедушка был очень трудолюбивым человеком. Он старался с малолетства держать отца при себе, и когда он повзрослел, надел на него свою тельняшку, познакомил с обычаями матросской жизни, научил (досл.: приучил) его хорошо **плавать**, **валяться** в снегу во время бани и **подбрасывать** двухпудовую гирю».

Чулкасри суркунне чăтаймарĕ айиша тек шур юр. **Сухалмашкăн** тивет а́на та (Савельев-Сас) «Не выдержал весной тепла и белый снег в Чулкас. И ему придется **растаять** (досл.: **исчезнуть**)».

в) глаголы со значением возможности совершения действия:

Эсĕ аннўне сиен кăна **тума** пултаратăн (Осипова) «Ты можешь своей матери только вред **нанести**».

Анчах темшĕн васкамасть-ха вăл. Хёвелĕ вара кăшит та **хёрхенме** пĕлмест (Мышкина) «Но почему-то он не торопится. И солнце хоть чуть-чуть не может **пожалеть**».

Бйайма пĕлмен сáмрăк тухтăр вара, сĕрлехи сил-тăмана та, суркуннехи шыв-шура та пăхмасăр, йывăр выртакан сын патне васкать (Осипова) «Молодой, **не знающий усталости** (досл.: **уставать**) врач, спешит к тяжелобольным людям, невзирая на ночную пургу и весеннюю распутицу».

Сапăсура хăюлăхпа паттăрлăх кăтартнă сáмрăксене комсомола йыйшанмалла. Ёс май таран. Училищĕрен вĕренсе тухнăранпа хам ёсĕне **ёсleme** тўрĕ килмерĕ (Шашкин) «Молодежь, которая показала в бою свою смелость и героизм, нужно принять в комсомол. Дел по горло. После окончания училища у меня не было возможности **работать** по своей специальности».

г) глаголы, имеющие значения желания совершения действия:

Сўреме тесен, кунта, район центрĕнче, таста та ситсе тухма пулат. **Паллашма** тесен те тантăшсем тупăнассех (Гордеев) «Захочешь **погулять**, здесь, в районном центре, можно хоть куда добратся. А если хочешь **познакомиться**, сверстники обязательно найдутся».

Ирхине ёсе тухса каяс умĕн а́на арăмĕ — Серафима Акимовна — Оля ашишĕн тунсăхлани сінчен икĕ хутчен те астутарчĕ. Саванна Петр Андреевич каçкўлĕм больницăна кайса килме хайĕн вăхăтне епле те пулин **йўнестерме** ёмĕтленнĕчĕ (Юдин) «Утром перед выходом на работу его жена, Серафима Акимовна, два раза напомнила ему о том, что Оля скучает по отцу. Поэтому Петр Андреевич мечтал вечером хоть как-нибудь **найти** время, чтобы сходить в больницу».

Ача чунĕ сълăхсăр, вăл тўрех сан патна рая пырĕ. Эпĕ а́на усал сунмастăп, касар мана, эпĕ а́на рая **ййийанмашкăн** тархаслатăп (Педерки) «Душа ребенка безгрешна, она сразу достигнет тебя в рай. Я не желаю ему зла, прости меня, я умоляю **принять** ее в рай».

д) в качестве связанного с инфинитивом слова в этом значении встречаются и слова, относящиеся к именным частям речи и выступающие в функции сказуемого. К ним относятся такие слова, как *хатёр* «готовый», *кичем* «скучно», *кирлэ* «нужно», *аван* «хорошо», *сáймáл* «легко», *меллэ* «удобно», *юрать* «можно» и др.:

Сáмах май асáнса хáварма пит те вырáнлá пулать пуль: Тимёр амáйшэ апат пёсёрмешкён áстаччэ (Ильбек) «**Вспомнить** между словом, возможно, будет очень уместным. Мама Тимера была мастерицей **готовить** обед».

Канмалли кунсенче общежитинче ларма кичем тесе áна юлташ хёрё Вера хáйсен ялне хánана илсе кáйрэ (Эльмен) «Так как в выходные дни **сидеть** в общезжитии скучно, подруга Вера взяла ее с собой в гости в их деревню».

Ёлэкхи пек, кёсёри юлашки пуссене те шутлама кирлэ мар (Эльмен) «Не нужно как раньше **считать** по карманам последние копейки».

— «Эй» *теме* аван мар. Эсэ мён ятлá? — *газ плити умёнче кáйтáртатнá май каласрэ хваттер ху́си* (Мышкина) «— **Говорить** “Эй!” некрасиво. Тебя как зовут? — спросил хозяин квартиры, копошившийся у газовой плиты».

Тёллён-паллáн урана пылчáк явáнать те, сáпатам йывáрланнáсем ытларах йывáрланать, урана ылмаштарса пусмашкáн та сáймáл мар (Ильбек) «Местами ноги облепила грязь, мои лапти совсем отяжелели, трудно даже **ступать**, чередуя ноги».

Микулай халэ хёрён шывра шапарнá пушмакне те хáй кáкáрёнчен тухакан сывáйша вёрсе тинётме хатёр (Эсхель) «Николай теперь готов **высушить** выдыхаемым им воздухом (досл.: подув, **высушить воздухом**, выходящим из его груди) промокший в воде ботинок девушки».

Чáнах та, чиркúре сы́рса пынисем аванах упранса юлнá, вулама та меллэ, почерк та хитре (Кибеч) «И действительно, записи в церкви хорошо сохранились, и **читать** легко (удобно), и почерк красивый».

— *Иртме юрать-и?.. Санюк аппа килёнче нимех те ули́нман* (Мышкина) «Можно **пройти**?.. В доме старшей сестры Саши ничего не изменилось».

Ай-вай йывáр áна сёнтерме! (Эктел) «Ой, как трудно его **победить!**»

е) в этой группе значений часто встречаются сочетания, которые передают фазовые значения начала или завершения совершения действия. При передаче этих значений в качестве финитных используются такие глаголы, как *пу́сла* «начинать», *ты́тáн* «приступать», *пáрах* «бросать», *чарáн* «останавливаться», *тапрат* «начинать, затевать» и др.:

— *Паллах, — терё Махмуд, вара арáмёне тавлашма пáрахрэ, áна сáла хатёрленмешкён пу́лáшма ты́тáнчэ...* (Вутлан) «Конечно, — сказал Махмуд, затем прекратил **препараться** с женой и принялся **помогать** ей готовиться в путь».

Сёрёпех сывáрман пирки йывáрланнá пу́с ирхине тинёсре шы́ва кёрсен те ыратма чарáнмарэ (Краснов) «Даже после того, как он с утра нырнул в воду с головой, которая была тяжелой после бессонной ночи, она не перестала **болеть**».

Таис аппа кáйт лáплансан, Ираида Васильевна áна калас́тарма пикенчэ (Осипова) «Когда Таисия аппа немного успокоилась, Ираида Васильевна принялась с ней **разговаривать** (досл.: заставлять говорить)».

Йёкёт, Якур Иванчá áна итлеме кáмáл туманнине кура пулас, шáлне кáйт йёрсе илчэ, сарлака хура пит-ку́сне сапаланчáк вя́ляткаларэ, унтáн урисемпе вы́рáн сáнче тáпáртаткаларэ те ачалла сáпёлтетме пу́сларэ (Юман) «Юноша, видимо из-за того, что у Якура Ивановича не было желания его слушать, лишь

слегка сжал зубы, на его черном широком лице заиграли желваки, затем он потоптался ногами на месте и начал по-детски **лепетать**».

Ача те ыратнипе, те ют сынсенчен хэранипе-ши тата хытйрах тытйнчй йёме (Эльби) «Ребенок принялся **плакать** еще сильнее, то ли от боли, то ли от страха перед чужими людьми».

Сак самантра подъезд алакёнчен тата иккён тухрёс. Хёрарймна арсын. Сыпнайскерсем. Вёсене курсан, йёкёлтекен хёрарйм кйшкйрма тапратрё: «Пулйшйр!.. Тытйр!.. Хулигансем вёсем!.. Упйшкана хёнерёс!..» (Ярандай) «В это время из двери подъезда вышли еще двое. Женщина и мужчина. Подвыпившие. Увидев их, сплетница принялась **кричать**: «Помогите!.. Держите их!.. Они хулиганы!.. Мужа избили!..»

Чим-ха, — сёлёкне пукан сине хывса хучё вйл. — Апла эс юрлама пйрах-рйн-им? (Ярандай) «Постой-ка, — положил он свою шапку на стул. — То есть ты бросил **петь**?»

Вёсем киле таврайнй тёле Макар Иванович Байкала тйварма ёлкёрнё ёнтё, лаша лёсме майнукне кётмешкён тытйнй (Гордеев) «Когда они вернулись домой, Макар Иванович уже успел вернуть Байкала и принялся **ждать** внука, чтобы отвезти лошадь».

3. Значение невозможности совершения действия. При передаче значения невозможности с формами инфинитива сочетается отрицательная частица *сук* «нет». Возможно, здесь речь идет об особых аналитических формах с соответствующим значением, которые относятся к формам модальности:

Нина Сатлайкинйа ялти чи хитре хёр теме сук (Алендей) «Про Нину Сатлайкину **не скажешь**, что она самая красивая девушка в деревне».

Анчах ку кёрлевре пёр сймахне те тытса йнланмайшкйн сук (Эльгер) «Но при таком шуме невозможно **расслышать (понять)** ни одного слова».

— *Пёр укнё йывйса каялла тйратса лартма сук. Пысйк инкек пулсан та, сав териех хыпса сунма кирлё мар, Иван пичче, — терё совхоз директорё, аттепе юнашар ларса* (Ярандай) «— Дерево, которое однажды упало, нельзя **поставить** снова на место. Даже если случилась большая беда, нельзя так сильно переживать, дядя Иван, — сказал директор совхоза, присаживаясь рядом с отцом».

Сўсё те, хулйн кус харишсем те, пйт хура кусё те, кйшит тёксёмрех сйнё те — йна калама сук хайне евёр илем кўрессё (Скворцов) «И ее волосы, и пышные брови, и совершенно черные глаза, и слегка хмурый вид придают ей своеобразную, неописуемую красоту (досл.: невозможно **описать**)».

— *Кала-ха, юлташйм, — терё вйл. — Нивушлё сав йёксёксене тупма сук?* (Ярандай) «Скажи-ка мне, друг, — сказал он. — Неужели этих негодяев нельзя **найти**?»

Сав сулсене ниепле те манма сук, пурте кус умёнче: учительсем те, пёр класра вёренсе ўснё ачасем те, тйхтав вйхйтёнче вйлянисем те, кйштах аййпа кёрсен учительскине чёнсе кётнисем те... (Кибеч) «Эти годы невозможно никак **забыть**, все как перед глазами: и учителя, и ребята, с которыми учился и вырос вместе, и баловство на переменах, и вызовы в учительскую из-за мелких провинностей...»

Для усиления соответствующего значения может использоваться слово *май* «способ, возможность» в отрицательном статусе:

Мёниён тесен йна хупйнса-усйлса ёлкёрме те май сук: пёрисем кёрессё, теприсем тухассё (Русаков) «Потому что невозможно **успеть** ее закрыть или открыть: одни заходят, другие выходят».

*Кёс-вёс сёр сине персе анасла сывах уйахан сивё сүтинчен пуртре те пы-
танма май сук* (Андреев) «От холодного света луны, которая так близка, что вот-
вот сойдет на землю, нельзя **скрыться** и дома».

4. Значение противопоставления другому действию. В этом значении формы инфинитива сочетаются с отрицательной частицей *мар* «не»:

*Ку вёл — шайа вылявё, шуйттан аташтарни, ансартран пулнй трагеди...
Энё халиччен хёрсем сине алё сёклемэ мар, сывласа та курман...* (Ырят) «Это
проказы судьбы, происки беса, случайная трагедия... Я до сих пор **не то чтобы**
руку на женщину **поднять**, даже не дышал (на них)...»

*Халё айна Миша суралнй кунне тасшти вярмана уявлама мар, юратнй сыниён
тйрйшса пёсернё апат харама кайни, айна упайки ним вырйанне те хуманни, ачи-
сен, ун ёмёчёсене татни хурлантарчё* (Эльмен) «Сейчас ее огорчало не то, **что**
Миша **будет праздновать** свой день рождения в лесу, а то, что пропадет обед,
который она так старалась приготовить для любимого человека, что муж ни во
что ее не ставит, и что не сбудется мечта ее и их детей».

*Саванна та пёрремёш тёлпура Перетяткин капитан чикё пйасакана тыт-
са чарма мар, темле кобрёна упрама вёрентмешкён тытйансан Олег кймалё
сивёнмеллипех сивёнчё* (Гордеев) «И поэтому Олег сильно расстроился, что при
первой встрече капитан Перетяткин принялся их учить **не как ловить** нарушите-
лей границы, а как защитить себя от каких-то кобр».

— *Мёниён-и? Эпир кунта чирлемэ мар, сывалма, юсанма, социализм тён-
чишён сапйасмашкён вай-хал пухма килнё* (Збанацкий) «Почему? Мы сюда при-
были, **не чтобы болеть**, а чтобы выздороветь, поправиться и набрать сил для
борьбы за социалистический мир».

*Вилмешкён мар, ирёке ханьхнй совет халэхё нихсан та сичё ют хурахён
тарси пулма килёшес суккине чёрепе сиссе, Сталинграднй чул пек тйприне чёрне
вёсчён алтса-кашласа, окопсемне траншеййасем турймйр* (Ильбек) «Мы копали
окопы и траншеи, врываясь ногтями в твердую как камень землю Сталинграда,
не чтобы умереть, а сердцем чувствуя, что советский народ, привыкший к сво-
бодe, никогда не согласится стать рабом иноземных захватчиков».

5. Сочетания инфинитива с финитной формой, образованной от того же гла-
гола, в чувашском языке передают особые значения, которые на русский язык
переводятся при помощи таких слов и сочетаний, как «даже; что касается» и др.
По мнению Н. И. Ашмарина, подобные случаи могли возникнуть вследствие вли-
яния русского языка или представляют собой «новые обороты» [3, с. 138 — 139]:

*Лисукан хырёмё пйсайклансах ситнё ёнтё; пёшкёнемэ те аран-аран пёшкён-
кет* (Ырят) «Живот Лисук уже сильно увеличился, даже наклоняться ей тяже-
ло (досл.: **наклоняться**, и то с трудом наклоняется)».

*Хай енчен вёл каласйава ытлаишии чёртсех пымасть, хайна мён ыйтнинне сёс
хуравлакалать, итлемэ вара тимлесех итлет* (Эсхель) «Со своей стороны, он не
особо поддерживает разговор, лишь отвечает на вопросы гостя, а вот что касается
послушать, то слушает внимательно».

В чувашском языкознании были попытки определения указанных значений,
в частности у И. П. Павлова [13, с. 199] и Л. П. Сергеева [15, с. 376], но в силу их
громоздкости и отсутствия охвата всех возможных случаев, мы здесь их не при-
водим. Поиск более емкого и точного определения значения формы на *-ма/-ме*
в указанных сочетаниях будет возможен только после анализа как можно больше-
го количества примеров, что требует отдельного исследования.

6. Форма с показателем *-ма/-ме* способна выступать в качестве компонента аналитической формы со вспомогательным глаголом *пӕх* «смотреть», которая передает модальное значение попытки совершения действия. Мы считаем это сочетание аналитической формой, так как глагол, выступающий здесь в роли вспомогательного, полностью потерял свое основное лексическое значение:

Вӕл, хӕрне лӕплантарасийӕн пулса, вӕйсӕррӕн кулма пӕхрӕ, анчах кулли тухмарӕ (Осипова) «Она хотела успокоить дочку, попыталась слабо **улыбнуться**, но не получилось».

Џӕллӕ те хытанка каччӕ кӕрсе тӕчӕ. Аллинчи хӕп-хӕрлӕ, шултра кӕл чечек сыххине хӕр еннелле тӕсрӕ, чуптуса илме пӕхрӕ (Мышкина) «Вошел высокий и сухощавый парень. Он протянул в сторону девушки огромный букет красных роз и попытался **поцеловать** (ее)».

— *Мӕскер мыскарӕ тӕватӕн эс, Мишиша? Алмазовӕ пӕрех шӕтлекелеме, шӕл йӕрме пӕхатъ...* (Енеш) «— Что за спектакль ты разыгрываешь, Миша? Алмазов же все равно пытается **отшутиться, позубоскалить...**».

7. Еще одна аналитическая форма с компонентом на *-ма/-ме* образуется при помощи вспомогательного глагола *пул* «быть». Ее значением является возможность совершения действия:

Биофиллолог Сӕр шывӕ хӕрринчен таврӕнсан пулӕсӕ ун патне татах кӕрсе тухма пулчӕ (Краснов) «Когда биофиллолог вернулся с берега Суры, рыбак снова смог **зайти** к нему».

Џакӕнта џакланнишӕн Голиков џав тери хӕпӕртет. Ма тесен кунта џынна ним суд тумасӕрах персе пӕрахма пулатъ иккен (Кибеч) «Голиков так рад тому, что попал сюда. Если спросить почему, оказывается, здесь можно без суда **растреливать** людей».

Џӕреме тесен, кунта, район центрӕнче, тасӕта та џитсе тухма пулатъ (Гордеев) «Захочешь погулять — здесь, в районном центре, можно хоть куда **добраться**».

Уйӕх џинчи кӕвентеллӕ хӕрӕн кун кӕнекине малалла вуланӕ пулсан акӕ мӕн пӕлме пулатъ (Эльби) «Если дальше почитать дневник девушки, стоящей с коромыслом на Луне, можно вот что **узнать**».

Эту форму может образовывать и инфинитив с показателем *-машкӕн/-мешкӕн*:

Анчах та вӕл џыру е проект џырма васкамарӕ-ха, мӕнле те пулин урӕх џул шыраса тупмашкӕн пулмӕ-и терӕ (Юхма) «Но он не спешил писать письмо или проект, думая о том, нельзя ли как-нибудь **найти** другой путь?».

Распространены случаи, когда две формы инфинитива связаны и следуют друг за другом. При этом сочетания могут состоять как из двух слов в одной форме на *-ма/-ме*, так и из двух слов, одно из которых стоит в форме с показателем *-машкӕн/-мешкӕн*, а второе — в форме на *-ма/-ме*. Сочетания, которые состоят из двух слов в форме на *-машкӕн/-мешкӕн*, не отмечены. Среди значений, которые они передают в этих сочетаниях, чаще всего встречаются значения цели и объекта:

Института кӕме хатӕрленме пулӕшрӕ (Ырӕят) «Он помог **подготовиться** (объект) **поступить** (цель) в институт».

Настя хулана кайса института бухгалтера вӕрӕнме кӕме документсене пачӕ (Емельянова) «Настя поехала в город и подала документы на поступление (досл.: **чтобы поступить**) (цель) в институт, **чтобы учиться** (цель) на бухгалтера».

— Мёнишён сьлтён мана?! Мён **тума вилме** пamarан?! — ўлесе макьрчё Кирилл (Андреев) «Зачем ты меня спас?! Почему не дал умереть?! [досл.: **не дал умереть** (объект), **чтобы что делать** (цель)?] — зарыдал Кирилл».

Вилесрен сьлмашкён ьйтма килтём сан патна (Юхма) «Я пришла к тебе **просить** (цель) **спасти** (меня) (объект) от смерти».

Анчах та семьере чи кёсёenni **Петёр ашиё-амайшён** кил-суртне пьрахас темен ёнтё. **Ялта**х тёлленсе вай хурса лайах пурнаё **тумаикён тьрайша** тытён-най вара сьмрэк сёмье (Петти) «Но самый младший в семье, Петр, не хотел уже покидать родительский дом. Молодая семья укоренилась в деревне и, прилагая свои силы, принялась строить лучшую жизнь [досл.: принялась **стараться** (объект) **строить** (цель)]».

Ытла сёмсёр пулсан пире кунта **тьмаикён чарма** та пултарёс тесе эпир вёсенчен хьпраймьр (Гордеев) «Если будут слишком наглыми, то могут **помешать** (объект) нам здесь **стоять** (цель), поэтому мы отстали от них».

Канаша сысна кётёвне хаваласа **кайма пулаймашкён** икул директорё мана та хайён патне чёнтерсех хушйначчё ун чухне... (Краснов) «Директор школы, вызвав к себе, приказал тогда и мне **помочь** (цель) **отогнать** (объект) стадо свиней в Канаш...»

Заключение

Проведенное нами исследование позволяет сделать следующие выводы в отношении функционально-семантических особенностей форм с показателями **-ма/-ме** и **-машкён/-мешкён** со значениями инфинитива:

1. Формы, образуемые при помощи аффиксов **-ма/-ме** и **-машкён/-мешкён** по всем своим характеристикам, с учетом их неспособности сочетаться с аффиксами именных категорий, а также передаваемых ими значений, являются инфинитивами.

2. Исходя из предыдущего пункта, можно утверждать, что в чувашском языке имеется отдельная словоизменительная грамматическая категория инфинитива, конституируемая двумя указанными формами, которые передают одни и те же значения, различаясь лишь в плане стилистики. Форма на **-машкён/-мешкён** употребляется, как правило, в книжной речи, а форма на **-ма/-ме** может использоваться как в художественных произведениях, так и в разговорной речи.

3. К основным значениям, которые передают эти формы, относятся: значение цели, объекта действия (в самом широком смысле, с включением всех возможных семантических вариантов), невозможности совершения действия (в сочетании с частицей **сук**), противопоставление другому действию (в сочетании с частицей **мар**) и особое значение, передаваемое сочетанием инфинитива на **-ма/-ме** с финитной формой того же глагола.

4. Форма с аффиксом **-ма/-ме** участвует в образовании аналитических форм в сочетании с десемантизировавшимися вспомогательными глаголами **пях** и **пул**, основные лексические значения которых — «смотреть» и «быть». Эти сочетания передают модальные значения попытки и возможности совершения действия.

5. Среди семантических групп слов, образующих синтаксические сочетания с инфинитивами, отмечены следующие: при передаче значения цели — глаголы движения, именные части речи и частицы, глаголы, представляющие другие семантические группы с широким спектром значений; при передаче значения объекта — глаголы, обозначающие различные состояния субъекта действия, глаголы, имеющие семантику, близкую к побуждению к совершению действия, глаголы со

значением возможности, глаголы со значением желания, глаголы с фазовыми значениями начала и окончания действия, а также именные части речи и частицы; при передаче значений возможности и противопоставления — частицы *сук* и *мар*.

6. Установлены случаи сочетаний глаголов, находящихся в формах на *-ма/-ме* и *-машкӑн/-мешкӑн*, друг с другом. Инфинитивы в этих сочетаниях, как правило, передают значения цели и объекта. Сочетаться могут как два инфинитива в форме на *-ма/-ме*, так и в формах на *-ма/-ме* и *-машкӑн/-мешкӑн*. Случаи сочетаний двух форм с показателем *-машкӑн/-мешкӑн* не отмечены.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Москва: Советская энциклопедия, 1969. 608 с.
2. Ашмарин Н. И. Материалы для исследования чувашского языка. Казань: Типолит. Императорского университета, 1898.
3. Ашмарин Н. И. Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. 2. Симбирск: Тип. Полиграфической С.Н.Х., 1923.
4. Васильева Н. В. Супин // Лингвистический энциклопедический словарь. Москва: Советская энциклопедия, 1990. С. 499.
5. Ганиев Ф. А. Инфинитивные формы. Имена действия // Татарская грамматика. Т. II. Морфология. Казань: ИЯЛИ АНТ, 1997. С. 230 — 235.
6. Гузев В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2015. 320 с.
7. Егоров В. Г. Глагол // Материалы по грамматике современного чувашского языка. Ч. 1. Морфология. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1957. С. 151 — 239.
8. Козинцева Н. А. Инфинитив // Лингвистический энциклопедический словарь. Москва: Советская энциклопедия, 1990. С. 198 — 199.
9. Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1960. 447 с.
10. Коркина Е. И. Глагол // Грамматика современного якутского литературного языка. Москва: Наука, 1982. С. 213 — 227.
11. Лебедев Э. Е. Словообразование в чувашском языке. Чебоксары: ЧГИГН, 2023. 212 с.
12. Павлов И. П. Современный чувашский язык. Т. 2. Морфология. Чебоксары: ЧГИГН, 2017. 448 с.
13. Павлов И. П. Хальхи чӑваш литературӑ чӗлхи. Морфологи. Шупашкар: Чӑваш АССР кӑн. изд-ви, 1965. 344 с.
14. Сергеев В. И. Морфология чувашского языка: словоизменение, формоизменение и формообразование. Чебоксары: ЧГИГН, 2017. 400 с.
15. Сергеев Л. П. Глаголӑн сӑпатсӑр формисем // Чӑваш чӗлхи. Шупашкар: Чӑваш кӑн. изд-ви, 2012. С. 375 — 401.

REFERENCES

1. Akhmanova O. S. Dictionary of Linguistic Terms. Moscow;1969:608. (In Russ.)
2. Ashmarin N. I. The Materials for the Study of the Chuvash Language. Kazan;1898. (In Russ.)
3. Ashmarin N. I. An Attempt at Studying Chuvash Syntax. Part Two. Simbirsk;1923. (In Russ.)
4. Vasilyeva N. V. Supin // Linguistic Encyclopedic Dictionary. Moscow;1990:499. (In Russ.)
5. Ganiev F. A. The Infinitive Forms. Action Nouns // Tatar Grammar. Morphology. Kazan;1997: 230 — 235. (In Russ.)
6. Guzev V. G. Theoretical grammar of the Turkish language. St. Petersburg;2015:320. (In Russ.)
7. Egorov V. G. The Verb // The Materials on the Grammar of the modern Chuvash language. Part one. Morphology. Cheboksary;1957:151 — 239. (In Russ.)
8. Kozintseva N. A. The Infinitive // Linguistic encyclopedic dictionary. Moscow;1990:198 — 199. (In Russ.)
9. Kononov A. N. Grammar of the modern Uzbek literary language. Moscow; Leningrad;1960:447. (In Russ.)
10. Korkina E. I. The Verb // Grammar of the modern Yakut literary language. Moscow;1982: 213 — 227. (In Russ.)
11. Lebedev E. E. Word formation in the Chuvash language. Cheboksary;2023:212. (In Russ.)

12. Pavlov I. P. Modern Chuvash language. Vol 2. Morphology. Cheboksary;2017:448. (In Russ.)
13. Pavlov I. P. Khalkhi chăvash literatură chělkhî. Morphology. Shupashkar;1965:344. (In Chuvash)
14. Sergeev V. I. Morphology of the Chuvash language: inflection, form change and form formation. Cheboksary;2017:400. (In Russ.)
15. Sergeev L. P. Glagolăn săpatsăr formisem // Chăvash chělhi. Shupashkar;2012:375 — 401. (In Chuvash)

Статья поступила в редакцию 29.12.2025;
одобрена после рецензирования 09.02.2026; принята к публикации 02.03.2026

Информация об авторе:

Лебедев Эдуард Евгеньевич, ведущий научный сотрудник
Чувашского государственного института гуманитарных наук
(428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1),
кандидат филологических наук,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7101-5283>, edlebed@gmail.com

*Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.*

The article was received by the editors on 29.12.2025;
approved after reviewing 09.02.2026; accepted for publication 02.03.2026

Information about the author:

Eduard Ev. Lebedev, leading researcher, Chuvash State Institute of Humanities
(29/1, Moskovsky Ave., Cheboksary, 428015, Russia),
Candidate of Philological Sciences,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7101-5283>, edlebed@gmail.com

*Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.
The author has read and approved the final version of the manuscript.*

Статья редакции 29.12.2025 çитнĕ;
рецензиленĕ хыççăн 09.02.2026 ырланă; 02.03.2026 пичете йышăннă

Автор çинчен:

Лебедев Эдуард Евгеньевич, Чăваш патшалăх гуманитар
ăслăлăхĕсен институтĕн ăслăлăх ертÿçĕ ёçтешĕ
(428015, Раççей, Шупашкар хули, Мускав пр., 29, 1 корп.),
филологи ăслăлăхĕсен кандидачĕ,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7101-5283>, edlebed@gmail.com

*Пайталăх конфликчĕ: автор пайталăх конфликчĕ çуккине пĕлтерет.
Автор ал çырăвĕн юлашки вариантне вуласа тухнă, ырланă.*